

N.V. Akindinova

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

D.A. Avdeyeva

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

N.V. Kondrashov

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

S.G. Misikhina

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

S.V. Smirnov

Centre of Development Institute, NRU HSE, Moscow, Russia

Macroeconomic consequences of the COVID-19 pandemic

Abstract. The article puts forward the thesis that the COVID-19 recession has already passed, which makes it possible to make some other conclusions. It is emphasized that the recession was triggered mainly by temporary restrictions on social contacts and mobility that were “external” to the economy. For Russia, it was aggravated by discords among the OPEC+ members. It is established that the 2020 drop of economic activity turned out to be unprecedentedly deep and unprecedentedly short, in some cases even less than one quarter. Compared to other countries, Russia passed the crisis quite successfully, although the size of the Russian stimulus package was much smaller than in the most developed countries. It is noticed that around the world quite fast recovery began immediately after the mitigation of lockdowns. Relatively recent data allowed us to conclude that by mid-2021, most emerging economies, including Russia, had reached pre-pandemic levels. It is shown that most forecasts agree that in 2021 (and partly in 2022) there will be an accelerated recovery and then the main macroeconomic indicators will return to pre-recession trajectories. At the same time, the changes in consumer preferences and business models triggered by the pandemic can lead to sustainable shifts in the sectoral structure of economies.

Keywords: *pandemic, COVID-19, recession, stimulus packages, economic growth.*

JEL Classification: E32, E37, E65.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-12

В.А. Сальников

ЦМАКП, ИНП РАН, НИУ ВШЭ, Москва

Прохождение кризиса COVID-19 российской промышленностью: взгляд с макроуровня

Журнал НЭА,
№4 (52), 2021,
с. 246–252

Аннотация. В статье дан экспресс-анализ факторов, общих итогов и отраслевых особенностей прохождения кризиса COVID-19 российской промышленностью с точки зрения динамики производства, доходов и инвестиционной деятельности. По критерию схожести одновременного изменения первых двух из указанных показателей выделено шесть отраслевых кластеров. Указаны важнейшие факторы, действие которых для различных секторов обусловило представленную кластеризацию. Отмечено, что наблюдавшиеся в I полугодии 2021 г. явные успехи в виде почти фронтального по отраслям роста выпуска и прибыли во многом обусловлены действием фактора отложенного спроса и вынужденным переключением спроса с услуг на товары (при этом для пищевых, химических и лесобумажных производств можно говорить о сохранении оформившегося уже несколько лет назад механизма роста с опорой на импортозамещение и освоение внешних рынков). Указаны факторы, оформившиеся к середине 2021 г. и негативно

влияющие на развитие промышленности в краткосрочной перспективе, к важнейшим из которых относятся исчерпание действия фактора отложенного спроса и развертывание инфляционной издержек. Из стимулирующих дальнейший промышленный рост факторов – постепенное ослабление ограничений на добычу и экспорт нефти.

Ключевые слова: *промышленное производство, кризис, COVID-19, отраслевая структура, факторы развития промышленности.*

Классификация JEL: E23, L16, L60, O47.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-13

1. Общая характеристика итогов прохождения кризиса

Затяжной характер пандемии и разношерстный характер порожденных ею шоков обусловили достаточно длительный период адаптации промышленных компаний к изменяющимся условиям работы. Можно утверждать, что посткризисная балансировка промышленных рынков завершилась лишь к середине 2021 г. – и то, пожалуй, лишь в первом приближении. Состоялась адаптация к первичным шокам (преимущественно связанным с ограничениями активности разного рода), но впереди новые вызовы, обусловленные формированием второго эшелона коронавирусных последствий.

Отсюда – достаточно противоречивая картина этой первичной балансировки.

С одной стороны, итоги прохождения кризиса в промышленности – формально наблюдаемые – весьма позитивны. И этот позитив отмечается в большинстве отраслей и по всем основным компонентам воспроизводственного контура (да еще и с явно выраженным положительным структурным эффектом – уменьшением доли первичного сектора):

- фиксируется рост объемов промышленного производства с превышением докризисного уровня, причем преодоление кризисного снижения выпуска характерно для подавляющего большинства отраслей; общепромышленный индекс производства к уровню 2019 г. составил в июле 100,7%. Но небольшой темп во многом обусловлен медленным восстановлением нефтедобычи в рамках обязательств ОПЕК+; за вычетом влияния одной только нефти, индекс в июле оценивается уже не менее чем в 102,5% к 2019 г.;

- имеет место мощнейший рост доходов – объем прибыли-убытка до налогообложения по итогам I полугодия 2021 г. увеличился к уровню 2019 г. в 1,4 раза (!), причем рост рентабельности также имел практически фронтальный характер (зафиксирован по большинству основных отраслей);

- наблюдается сохранение инвестиционной активности – объем инвестиций в основной капитал по итогам I полугодия составил в промышленности 100,7% уровня 2019 г.; и вновь следует отметить выраженное негативное влияние просадки инвестиций в топливно-энергетическом комплексе; в обрабатывающей же промышленности индекс инвестиций составил 106,7% уровня 2019 г.

С другой стороны, есть основания полагать, что статистическая картина приукрашивает действительность – в том смысле, что наблюдаемые явления отражают не итоги работы запустившегося механизма промышленного роста, а затянувшуюся реализацию отложенного спроса в условиях ускорения промышленной инфляции. К середине 2021 г. фактор отложенного спроса значимо ослаб, что обусловило прекращение роста объемов промышленного производства; фаза постковидного подъема в промышленности завершилась. Уровень выпуска (с устранением сезонного фактора) за три последних на момент подготовки статьи месяца (июнь–август) сократился на 1,1% (оценка Росстата, по оценке ЦМАКП – на 1,6%). При этом переход к стагнации на отраслевом уровне был практически фронтальным.

То, что этот переход произошел на уровне немного выше докризисного, связано

преимущественно с двумя факторами, имеющими во многом временный характер.

Во-первых, это сохраняющиеся небольшие масштабы отрицательного сальдо по трансграничному туризму. И речь идет не просто о дополнительном числе потребителей, оставшихся дома (и, соответственно, предъявивших спрос на товары повседневного спроса), но и о замещении неудовлетворенного спроса на услуги спросом на товары («Раз не еду в Турцию — куплю новый холодильник»). В период 2020–2021 гг. рост спроса на многие товары длительного пользования (ТДП) превзошел все ожидания. Так, по холодильникам (один из крупнейших ТДП, производимых в России) прирост продаж составил в 2020 г. 19%, в январе–июне 2021 г. — 13% (Росстат, 2021). Аналогичная ситуация по стиральным машинам (еще один вид товаров длительного пользования (ТДП), со значительной долей добавленной стоимости, произведенной в России): 14 и 15% соответственно. Впрочем, действие этого фактора в обозримой перспективе во многом сойдет на нет (с точностью до скорости снятия ограничений на перемещения), что при прочих равных обусловит сокращение внутреннего спроса¹.

Во-вторых, по целому ряду экспортных направлений с конца 2020 г. оживился внешний спрос. В лидерах по наращиванию экспорта — химические производства, машиностроение, а также лесопромышленный комплекс. Темпы прироста физического объема экспорта в январе–июне 2021 г. к уровню двухлетней давности оцениваются в 22, 18 и 8% соответственно (ЦМАКП, 2021). Экспорт первых двух секторов рос и ранее, так что можно предположить, что мы хотя бы отчасти наблюдаем эффект от продолжения реализации экспортно-ориентированных проектов. Однако

в первую очередь для машиностроения, а частично и для других секторов, очевидно, действует тот же фактор переключения от услуг на товарное потребление — только в других странах (U.S. Census Bureau, 2021), который по цепочкам стимулирует и рост спроса на экспортлируемые из России сырье и материалы. Значит, в ближайшей перспективе наращивание экспорта в этих секторах должно ослабнуть (не исключено и корректирующее снижение, прежде всего в машиностроении).

Одновременно с конца 2020 г. возникло три новых негативных фактора.

Первый фактор — резонансный взлет мировых цен на сырьевые товары и, почти сразу вслед за ними, — внутренних (цены практически всех сырьевых товаров на внутреннем рынке формируются по принципу «нетбэк» (экспортного паритета), задержка в подстройке к мировым ценам составляет от одной-двух до шести недель по разным товарам). Это сформировало мощный потенциал инфляции издержек и серьезно ухудшило условия работы конечных производств, которые по замыслу (согласно официальным прогнозам) и должны быть движущей силой будущего промышленного роста².

Второй фактор — поступательное повышение ключевой ставки Банка России (с 4,25 до 6,50) и, как следствие, ухудшение доступности кредита и рост издержек по его обслуживанию (как у предприятий, так и у населения). Можно отметить, что и здесь структурный эффект был негативен: повышение ставки в большей степени болезненно для конечных производств. Так, перед кризисом соотношение чистых процентных платежей (проценты к уплате минус проценты к получению) и ЕВТ оценивалось нами в машиностроении — в 47%, а АПК — в 31%, в то время как в добыче полез-

¹ Не исключено и резкое снижение выпуска, на рынках есть признаки заговаривания: объем предложения (производства и импорта за вычетом экспорта) по итогам января–июня 2021 г. по холодильникам возрос на 55%, по стиральным машинам — на 32% (!). Другой вариант — оперативные оценки полугодия Росстатом сильно занижены (так было в 2020 г., когда оперативная оценка составляла по холодильникам лишь 10%, по стиральным машинам — 11%).

² Примечательная особенность нынешнего сырьевого цикла — актуализация вопросов как о ненастроенности фискальной системы к улавливанию рентных сверхдоходов за пределами углеводородного сектора, так и об отсутствии механизма купирования передачи ценового импульса от углеводородного сырья по производственным цепочкам. Ранее эти вопросы не стояли столь остро: прежние циклы удорожания таких товаров проходили в условиях как более высокого общего уровня инфляции, так и более быстрого экономического роста.

ных ископаемых, в производстве сырья, материалов и комплектующих – менее чем в 20%.

Третий фактор – усиление экспортных ограничений для ряда товаров: введение 15%-ной (не считая специфической составляющей) экспортной пошлины на металлы, а также квот и пошлин на ряд сельскохозяйственных товаров³.

Значит, в ближайшей перспективе в промышленности будут доминировать негативные процессы: стагнация или уменьшение объемов выпуска обрабатывающих производств плюс отток доходов (снижение рентабельности) в несырьевом сегменте⁴. Нес-колько поддержать уровень выпуска, вероятно, сможет добыча углеводородов – как нефти (с точностью до решений в рамках ОПЕК+), так и газа (с точностью до погоды, но в любом случае во второй половине 2021 г. будет требоваться заполнять опустевшие газохранилища⁵). Кроме того, высоковероятно сохранение роста в секторах, где в последние годы оформился механизм хоть и не сверхбыстрого, но устойчивого роста – это пищевые, химические и лесобумажные производства. Впрочем, с учетом потенциально возможной скорости роста объемов производства в этих секторах и их веса в промышленности их суммарный вклад оценивается не более чем в 0,5–0,7 п.п. прироста общепромышленного выпуска.

Таким образом, в ближайшее время промышленный рост еще может удержаться на уровне 1,5–2,0% годовых, но затем, по мере исчерпания восстановления спроса на углеводороды, ожидаемые темпы прироста промышленного производства – при отсутствии каких-

либо целенаправленных усилий по ускорению промышленного развития – будут стремиться к диапазону в 0,8–1,2% в год.

2. Кластеризация секторов по итогам прохождения кризиса

По состоянию на середину 2021 г. наблюдалось достаточно большое разнообразие итогов прохождения кризиса на уровне видов деятельности. Так, с точки зрения изменения важнейших показателей – объемов производства и рентабельности⁶ – выделяется целых шесть кластеров (см. рисунок).

1. Кластер «сверхлидеров», в котором оба ключевых показателя увеличились на десятки процентов. Он состоит лишь из двух видов деятельности, вполне ожидаемо, это – фармацевтика (где еще и инвестиционная активность вдвое превышает уровень последних лет), а также – производство мебели (эта отрасль вряд ли удержит лидерство, скорее всего мы наблюдаем вышеописанный краткосрочный эффект переключения спроса с услуг на товары⁷).

2. Кластер «лидеров второго эшелона», в котором также наблюдается улучшение по обоим показателям, но с умеренной интенсивностью. Состав кластера разнообразен, основу составляют традиционные лидеры роста последних лет, часто это производства с мощными состоявшимися инвестициями в импортозамещение: пищевые, химические, производство бумажных, резиновых и пластмассовых изделий. Для ряда указанных производств, а также для вошедшей в кластер текстильной промышленности, значимым оказался и фактор пандемий-

³ Правительство Российской Федерации. Постановление от 25 июня 2021 г. № 988. Москва. О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств-участников соглашений о Таможенном союзе.

⁴ Строго говоря, наиболее оперативные данные уже фиксируют начало такого разворота: так, данные мониторинга отраслевых финансовых потоков (Банк России, 2021) свидетельствуют о том, что в начале III квартала конечные отрасли перестали быть движущей силой промышленного роста, одновременно ухудшение ситуации показывает индекс PMI обрабатывающих производств (Индекс HIS Markit PMI® обрабатывающих отраслей России. Сентябрь 2021), отражающий ситуацию в большей степени именно в конечном секторе.

⁵ Необычно быстрый отбор газа из газохранилищ (как российских, так и в Европе) в первой половине 2021 г. был во многом связан с погодными условиями (холодные конец зимы и начало весны) на фоне избыточно осторожных планов пополнения хранилищ в условиях постковидного восстановления.

⁶ Важным рассматриваемым аспектом была также интенсивность инвестиционной активности.

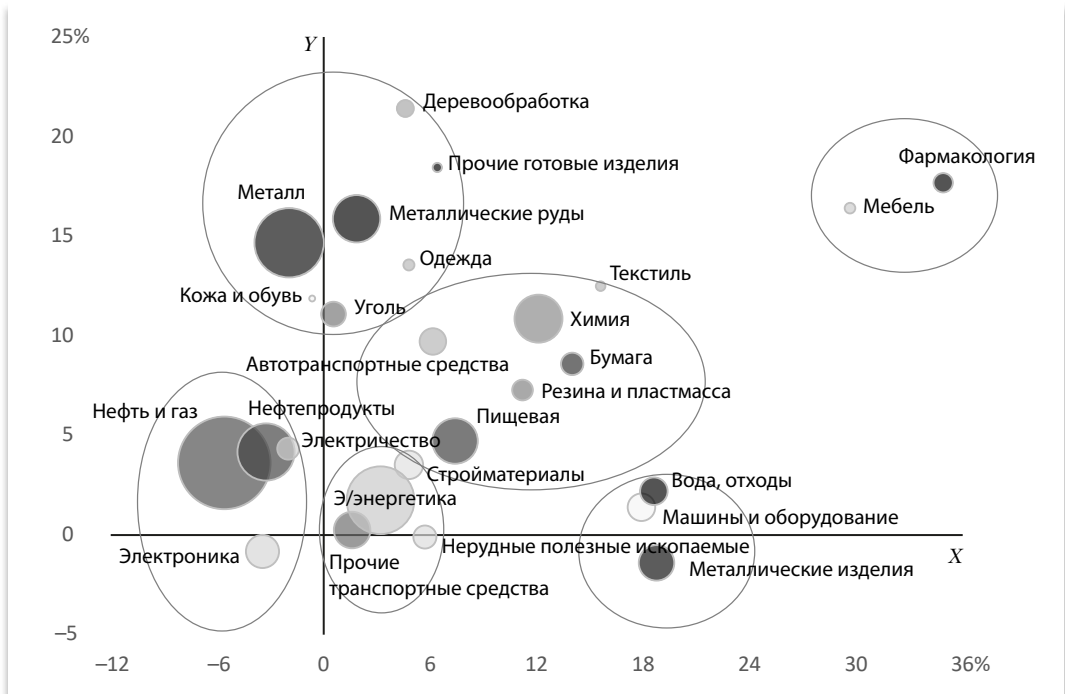
⁷ Характерно, что текущие успехи не подкреплены здесь наращиванием инвестиций.

ного спроса (средства индивидуальной защиты и гигиены, упаковка). Наконец, ненадолго в хороший кластер попало и автомобилестроение (из-за отложенного спроса, который на данном рынке в силу высокой единичной цены товара начал удовлетворяться последним из всех ТДП).

3. Кластер «лидеров исключительно по доходности», где выпуск значимо не изменился как следствие ограничений спроса, зато прибыль выросла весьма существенно. Внутри кластера выделяется две подгруппы: если в сырьевом сегменте (металлургия, деревообработка, угледобыча) речь идет о выходе рентабельности на рекордные уровни, то в потребительском (производство одежды и обуви, прочих готовых изделий) — лишь о нормализации этого уровня, выходе из околорыночного режима работы⁸.

4. Кластер «лидеров исключительно по выпуску» — небольшой, но разнообразный: это и производство металлоизделий (с учетом высокой инвестиционной активности в секторе — рост, видимо, устойчив и отражает как позитивные процессы импортозамещения, так и высокие ожидания спроса со стороны стимулируемого государством строительства), и переработка отходов (еще одна известная точка приложения государственных усилий), и производство машин и оборудования (обусловлено на удивление высокой инвестиционной активностью в экономике, однако производители оборудования, похоже, не верят в ее долгосрочные перспективы, так как в самом секторе инвестиционная активность очень слабая).

5. Кластер «слабого роста исключительного по выпуску» — состоит из нескольких

Рисунок

Карта экспресс-итогов прохождения кризиса по видам деятельности

Примечание. Ось X — темп прироста физического объема выпуска, июнь–июль 2021 г. к июню–июлю 2020 г.; ось Y — темп прироста прибыли до налогообложения, январь–июнь 2021 г. к январю–июню 2019 г.; плотность заливки показана степень инвестиционной активности (физический объем инвестиций в основной капитал в 2020–2021 г. к среднему уровню за 2014–2021 гг.).

⁸ Интересное явление в данном кластере — активизация инвестиционной активности в металлургическом сегменте, который многие годы, после активной модернизации российских производств еще в 2000-е, переориентировался на финансовые инвестиции в зарубежные активы (достраивая цепочки ближе к иностранному потребителю). Не исключено, что мы наблюдаем начало инвестиционного возвращения домой как следствие санкционных и торговых ограничений последних лет.

внутриориентированных отраслей со слабым в условиях нынешнего кризиса спросом и включает: электроэнергетику, производство стройматериалов (плюс добычу нерудных полезных ископаемых), а также производство прочих транспортных средств (в последнем случае основной негатив обеспечен железнодорожным машиностроением, а также неразделяемой по соображениям секретности группой «судостроение и производство военных боевых машин»).

6. Основу кластера аутсайдеров составила добыча и переработка нефти (что достаточно очевидно). Кроме того, сюда же вошло: производство электрооборудования, а также электронных и оптических изделий (в последнем случае российские производители не смогли уловить взлетевший на электронику спрос из-за специализации на выпуске низкотехнологичных компонентов).

3. Выводы

Начиная с конца 2020 г. и до середины 2021 г. общей тенденцией в промышленности стало значительное улучшение ключевых показателей деятельности по сравнению с докризисным уровнем, а дифференциация реакции различных отраслей на кризис COVID-19 проявлялась лишь в масштабах этого улучшения (за исключением однозначно пострадавшего нефтяного сектора). Однако есть основания полагать, что улучшение это временное, связанное с реализацией отложенного спроса и временным вынужденным переключением спроса с услуг на товары. Одновременно из-за разбалансировки мировых товарных рынков

и масштабного монетарного стимулирования ключевых мировых экономик в ответ на ковидный кризис сформировались предпосылки для инфляции издержек, ответом на которую стало повышение ключевой ставки Банком России. Ближайшие перспективы промышленности видятся в негативном свете, говорить о преодолении всего спектра последствий пандемии и о формировании устойчивого механизма промышленного роста в 2021 г. еще преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Банк России (2021). Мониторинг отраслевых финансовых потоков. № 17 (53). [Bank of Russia (2021). *Monitoring of sectoral financial flows*, 17 (53) (in Russian).]
- Росстат (2021). Социально-экономическое положение России, январь–июль 2021 года. [Federal State Statistics Service (Russia) (2021). *Socio-economic situation in Russia, January–July 2021* (in Russian).]
- ЦМАКП (2021). Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Сюжеты внешней торговли. Вып. № 14. [CMASF (2021). *Center for macroeconomic analysis and short-term forecasting. Foreign trade plots*, 14 (in Russian).]
- U.S. Census Bureau (2021). Monthly advance report on durable goods manufacturers' shipments, inventories and orders. July 2021. Release Number: CB 21-127 M3-1 (21)-07.

Поступила в редакцию 17.09.2021

Received 17.09.2021

V.A. Salnikov

Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting, Institute of Economic Forecasting, RAS, NRU HSE, Moscow, Russia

The Russian manufacturing passing the COVID-19 crisis: Macro-level view

Abstract. The paper provides an express analysis of factors, general results and sectoral features of the COVID-crisis in the Russian industry. Six sectoral clusters are identified by the criteria of similarity of dynamics in production volumes, profits and investment activity. The most important sectoral factors that impacted the trends in the indicators are identified. It is shown that the obvious success observed in the first half of 2021 (namely the general growth in output and profits) is the effect of the deferred

demand and the forced switch of demand from services to goods (meanwhile growth in food production, chemistry and wood and paper production continued to be based on net export growth). The factors that emerged by mid-2021 and negatively affected the development of manufacturing in the short term are indicated: the first is the exhausting deferred demand and, the second is the intensifying cost inflation. Meantime there is one supporting growth factor which is oil export recovery.

Keywords: *manufacturing production, crisis, COVID-19, industrial structure, factors of industrial development.*

JEL Classification: E23, L16, L60, O47.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-13

Н.А. Волчкова

РЭШ, Всероссийская академия внешней торговли, Москва

Российские экспортеры в условиях экономического кризиса, вызванного пандемией

Журнал НЭА,
№4 (52), 2021,
с. 252–257

Аннотация. В работе представлены результаты анализа данных опроса российских несырьевых экспортеров, проведенного в 2020 г. Результаты опроса позволяют определить основные каналы влияния кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции, на деятельность экспортных компаний и способы их адаптации к работе в новых условиях. Примерно три четверти опрошенных экспортеров сообщили о негативных эффектах кризиса на их деятельность. При этом анализ опроса показывает, что со стороны поставок международные связи не повысили степени уязвимости компаний к кризису: задержки поставок с равной вероятностью происходили со стороны отечественных и зарубежных поставщиков. Однако со стороны продаж продукции различия имели место: для компаний-экспортеров возможности роста продаж на внешних рынках случались реже, чем на внутреннем, а значительные потери рынка – чаще. Эти результаты позволяют сделать вывод о том, что международные связи компаний-экспортеров создали дополнительные риски именно на стороне продаж, но не на стороне поставок, что согласуется с тем, что именно издержки экспорта, связанные с доступом на зарубежные рынки, значимо выросли в связи с запретом на международные поездки в условиях пандемии.

Ключевые слова: *экономический кризис, пандемия COVID-19, экспортеры, российские компании.*

Классификация JEL: D22, F14, L20, E32.

DOI: 10.31737/2221-2264-2021-52-4-14

1. Введение

Согласно оценкам Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Кнобель, Фиранчук, 2021) в условиях экономического кризиса 2020 г. несырьевой неэнергетический экспорт России без учета вывоза золота снизился на 4,3% при снижении экспортных цен (-4,1%). Экспорт высокотехнологичных товаров уменьшился на 14% из-за сокращения физических объемов вывоза. В работе представлен анализ данных опроса российских несырьевых экспортеров, проведенного в 2020 г. Результаты опроса позволяют определить основные каналы влияния кризиса на деятельность компаний и способы их адаптации к работе в новых условиях. В работе показано, что международные связи не создавали значимых последствий для степени уязвимости ком-

пании к кризису: задержки поставок с равной вероятностью происходили со стороны отечественных и зарубежных поставщиков, но изменение продаж на внутреннем рынке значимо отличается от изменения продаж на внешних рынках: значительные потери продаж на зарубежных рынках случались чаще, чем на внутреннем, а рост продаж – реже.

В работе (Bonadio et al., 2021) рассматривается численная многосекторная модель для 64 стран мира, связанных цепочками поставок, и показывается, что в условиях шока со стороны занятости, после введения карантинных мер, и адаптации к возможности удаленного работы вклад глобальных цепочек в падение реального ВВП составляет около одной четверти. Авторы показывают, что ренационали-